

ЭТНОИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ТРЕНДА ПОЛИЭТНИЧНОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья содержит анализ эволюции конституционных позиций основных законов СССР и Российской Федерации в отношении категорий этничности и их эволюции. Прослеживается связь правовых и политических подходов государства к проблеме гарантирования прав и свобод граждан СССР и далее Российской Федерации в сфере этноидентификационных интересов. Выявляется динамика содержания и терминологии соответствующих статей в зависимости от внутривнутриполитической обстановки и геополитических факторов. Обращается внимание на общие позиции конституций СССР 1924, 1936, 1977 годов, а также определяются их различия в отношении принципов и процессов национально-государственного строительства, национально-территориального, национально-культурного самоопределения. Проводится политический анализ соответствующих статей Конституции Российской Федерации 1993 года с поправками 2020 года и выделяются новации правового и политического оформления этноидентификационных потребностей граждан, а также сущности и форм федеративных отношений. Среди обобщающих тезисов называются проблемы, которые затрудняют и могут затруднить в будущем конституционное обеспечение оптимальных условий этнической идентификации граждан, этнических сообществ и развития межэтнических отношений в целом.

Ключевые слова: конституционный процесс, этническая идентификация, национально-государственное строительство, социалистический федерализм, федеративные отношения, огосударствление этничности, национальная политика, гражданский контекст, патриотизм.

ETHNO-IDENTIFICATION ASPECTS OF THE CONSTITUTIONAL TREND OF MULTI-ETHNIC RUSSIAN SOCIETY

Abstract. The article contains an analysis of the evolution of the constitutional positions of the basic laws of the USSR and the Russian Federation in relation to the categories of

АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташесовна — доктор политических наук, профессор, директор Научно-образовательного центра политических исследований Пятигорского государственного университета, г. Пятигорск

Статья подготовлена в рамках проекта Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Патриотизм как интегрирующая ценность полиэтничного российского общества» (FSRN-2023-0025).

ethnicity and their evolution. The connection between the legal and political approaches of the state to the problem of guaranteeing the rights and freedoms of citizens of the USSR and further of the Russian Federation in the sphere of ethno-identification interests is traced. The dynamics of the content and terminology of the relevant articles depending on the internal political situation and geopolitical factors is revealed. Attention is drawn to the general positions of the constitutions of the USSR of 1924, 1936, 1977, and their differences in relation to the principles and processes of nation-building, national-territorial, national-cultural self-determination are determined. A political analysis of the relevant articles of the Constitution of the Russian Federation of 1993 with amendments of 2020 is carried out and innovations in the legal and political registration of the ethno-identification needs of citizens, as well as the essence and forms of federal relations are highlighted. Among the generalizing theses are problems that complicate and may complicate in the future the constitutional provision of optimal conditions for the ethnic identification of citizens, ethnic communities, and the development of interethnic relations in general.

Keywords: constitutional process, ethnic identification, nation-building, socialist federalism, federative relations, nationalization of ethnicity, national policy, civil context, patriotism.

Рассматривая феномен и институт этничности в рамках полипарадигмального этно-методологического подхода, который является не только оправданным, но и перспективным, подчеркнем, что феноменальность и институциональность этничности требуют политико-управленческого, социально-организационного, а также нормативно-правового оформления. Очевидно, что ни одна проблема этнической детерминации не может быть решена без применения методологии национальной политики и практики политического управления [1]. Не менее очевидно, что без введения категории этничности и процесса этнической идентификации в систему конституционного пространства невозможно оптимизировать сложный комплекс социальных, культурных, ментальных, политических, территориальных интересов народов.

Вводная проблематизация

Вопрос о том, насколько категория этничности и процесс этнической идентификации могут быть включены в правовые системы, является дискуссионным. Крайне сложно определить целесообразную степень огосударствления, обюроккрачивания этничности в декларациях, конституциях, договорах, законах. В связи с этим многие документы международного уровня лишь в рамочном формате определяют национальную принадлежность, право наций на самоопределение, национальное меньшинство и другое. «Присвоение» или «присуждение» этнической идентичности, равно ее применение и трансляция, имеют множество объективных и субъективных детерминант и факторов. Их сложно или вовсе невозможно оформить в виде статей нормативно-правовых актов. В то же время именно эмоциональная неувовимость и ситуативность этничности придают ей живучесть и ресурсность и рождают возможности использования ее для достижения социальных и политических целей.

Невзирая на сложность и разнообразие этноидентификационных систем, мировой опыт показывает многие успешные практики их нормативно-правового освоения. Права человека и гражданина на свободную этническую идентификацию, на национальное самоопределение и этногосударственный, этнополитический, этнокультурный суверенитет зафиксированы в авторитетных международных соглашениях, а также в государственных правовых системах. Право на этничность и на этноидентификационное самоопределение, вероятно, может быть отнесено к естественным и позитивным правам человека [2]. В развитие этой мысли отметим, что усилия и инициативы индивидов и коллективов по этноидентификационному самоопределению, соответственно, могут быть отнесены к естественной и позитивной политике. Приведем дискуссионное мнение о том, что *«политическое не означает никакой собственной предметной области, но только степень интенсивности ассоциации или диссоциации людей, мотивы которых могут быть религиозными, национальными (в этническом или культурном смысле)»* [3, с. 45].

Российский конституционный этноидентификационный тренд

В конституционной истории современной России выделяется несколько ключевых этапов, начинающихся с советского периода. Они ознаменованы разработкой и принятием конституций, содержание которых определялось и определяется содержанием политического процесса. Вообще, сочленение ресурсов политики и права в российском национально-государственном строительстве проявляет практически постоянные приоритеты политики над правом [4]. Вместе с тем именно политика имеет большие возможности для атрибутирования этнических категорий и процессов, так как предусматривает *«властное распределение ценностей внутри общества»* [5], включая материальные и нематериальные этнические ценности народов, вмонтированные в общенациональный полиэтнический контекст.

Конституция СССР 1924 года являлась исключительным документом, который подтвердил государственность и суверенитет первой в мировой истории советской социалистической федерации [6]. Она была детерминирована сложными, конфликтными ситуациями внутри- и внешнеполитического характера, а в разделе 1 фиксировала раскол мира на два враждебных лагеря — капиталистический и социалистический.

Одним из ее самых акцентированных аспектов являлся именно национальный. Трактовки национальных проблем развивали позиции *«Декларации прав народов России»* (принята 3 ноября 1917 года, утверждена Декретом Совета народных комиссаров, опубликована за подписями В. Ленина и И. Сталина). Как один из первых институционально-правовых документов Советской власти, Конституция 1924 года реагировала на острые проблемы межнациональных отношений: равенство народов, право на отделение и образование самостоятельного государства, отмена ограничений по национальному

признаку, свободное развитие всех народов и национальных меньшинств [7, с. 39–41].

Категории национальной проблематики широко применялись для проявления антагонистического характера социализма и капитализма. Негативное определение капитализма выражалось в таких революционно-экспрессивных связках, как: «национальная вражда и неравенство», «колониальное рабство и шовинизм», «национальное угнетение и погромы». Конституция 1924 года утверждала, что попытки капитализма *«разрешить вопрос о национальности путем совмещения свободного развития народов с системой эксплуатации человека человеком оказались бесплодными. Наоборот, клубок национальных противоречий все более запутывается, угрожая самому существованию капитализма. Буржуазия оказалась бессильной наладить сотрудничество народов»*.

В противовес национальному гнету социализм реализует инновационные в истории взаимоотношений народов принципы, то есть уничтожение *«в корне национального гнета, создание обстановки взаимного доверия и основ братского сотрудничества народов»*. Именно это сотрудничество декларировалось в Конституции 1924 года как необходимое условие выживания молодого Советского государства в пространстве тяжелейших вызовов и рисков. Решающим фактором устойчивости страны Советов стало создание единого *«фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения»*. Премьерной идеей документа была идея *социалистического интернационализма*, объединения трудящихся масс советских республик в одну социалистическую семью. В заявочном формате Основной закон СССР 1924 года вывел на передний план масштабную задачу политики и управления — формировать новую — *«пролетарскую по содержанию и национальную по форме»* — политическую культуру, сочленяющую общегосударственные интересы и национальные традиции.

«Одна социалистическая семья» — убедительный образ советского федерализма, который с 1922 по 1924 год набирает содержательные и организационные обороты. В Конституции 1924 года присутствовал важнейший тезис, отвечающий классическим концепциям федерализма. Подтверждалось, что *«за каждой республикой обеспечено право свободного выхода из Союза, что доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 года основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов»*. В пункте 4 главы 2 Конституции присутствовала символическая по своим возможным геополитическим следствиям формулировка о том, что *«за каждой из союзных республик сохраняется право свободного выхода из Союза»*.

Новаторская терминология политического и геополитического дискурса, заданная в Основном законе СССР 1924 года, на многие десятилетия останется актуальной и широко используемой и в социалистическом,

и в буржуазном научно-исследовательском, информационном, управленческом нарративе. Подчеркнем, что текст документа изобилует новыми правовыми и политико-значимыми терминами, которые вошли в ткань внутри- и межгосударственной коммуникации, доктринальных документов мировой значимости. Такие терминологические позиции, как «союзное государство», «мирное сожительство», «право свободного выхода», «сотрудничество народов» имели перспективное постановочное звучание, которое было развито в теории и практике государственного и национального строительства многих стран и государственных союзов.

Обратим внимание, что в СССР с 1917 по 1924 год действовал профильный орган управления — Наркомат по делам национальностей (Наркомнац), имевший широкую сеть разноуровневых структур в республиках, автономиях и национальных районах. Большая и Малая коллегии Наркомнаца вели масштабную работу по национальному строительству, оптимизации межэтнических отношений и профилактике этнических и этнополитических конфликтов [8, с. 483–484; 9].

Конституция СССР 1936 года, как «конституция победившего социализма» или «сталинская конституция», несмотря на ужесточение внутривластного процесса в ходе продолжающейся классовой борьбы (репрессии, аресты, расстрелы) имела более демократичный характер, чем Конституция 1924 года. Новый документ, вопреки ухудшающейся международной ситуации и нарастанию военной угрозы, фиксировал не столько антагонизм политических систем, сколько позитивную социально-классовую природу СССР в его ускоренной экономической, политической и культурной эволюции [10].

Документ подтверждал федеративное устройство СССР и компетенции союзного центра в правовом, политическом и организационном обеспечении федеративных отношений по вертикали и по горизонтали (гл. 2: «Государственное устройство») [11, с. 46–51]. Суверенитет союзных республик был ограничен предметами ведения союзной власти (гл. 2, ст. 14). В то же время союзные республики имели широкие права, прежде всего, *право выхода из СССР* (гл. 2, ст. 17). Также они имели право вступать в отношения с зарубежными государствами и обмениваться с ними представителями, а также создавать республиканские войсковые соединения (гл. 2, ст. 18 б).

Новацией Конституции 1936 года стала глава 10 — «Основные права и обязанности граждан», которая легитимизировала права и свободы граждан в сфере национальной и религиозной принадлежности. В статье 123 провозглашалось равноправие всех граждан перед законом вне зависимости от их национальности и расы. Утверждалось, что *«всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения караются законом»*. Именно эти формулировки в будущем войдут в основополагающие международные соглашения, на авансцене которых находятся *Всеобщая декларация прав человека* (1948 г.), *Декларация о правах лиц, принадлежащих*

к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992 г.) и другие.

Статья 124 заложила правовые основы государственно-религиозных отношений, провозгласив свободу совести, отделение церкви от государства и школы от церкви, то есть светский характер Советского Союза. Также всем гражданам гарантировалась не только свобода отправления религиозных культов, но и *свобода антирелигиозной пропаганды*, что, на наш взгляд, является логичным правовым обоснованием интересов как верующих, так и агностиков, неверующих и атеистов.

Конституция 1924 года и Конституция 1936 года основное внимание уделяли классовому и политическому содержанию нового государства как союза равноправных народов в противовес враждебному капиталистическому миру. В качестве несомненного достижения тех документов выделим подробное обоснование новационного характера советского федерализма. Его принципом стало соотнесение широкого суверенитета субъектов федерации с всеобъемлющим суверенитетом союза и верховенством союзных законов.

В то же время конституционные тексты не уделяли или уделяли частное внимание этнической и религиозной идентичности, а также национально-культурному самоопределению. Некоторое равнодушие к данным вопросам вызвано актуализацией иных проблем — классовых, политических, управленческих, а в целом — проблем состоятельности нового социалистического государства во враждебном окружении. Главные кейсы политики и управления состояли в упрочении суверенитета, политико-идейных, организационно-процедурных битвах внутри элиты, разоблачении классовых врагов (эксплуататоров), врагов народа, предателей и вредителей. На этом фоне национальные вопросы решались в общем подчинении классовому вопросу, который рассматривался как краеугольный камень государственного и национального строительства.

Конституцию СССР 1977 года готовила с 1962 года конституционная комиссия в составе 97 человек сначала под председательством Н.С. Хрущева, а впоследствии — Л.И. Брежнева. Документ, в отличие от предыдущих конституций, более основательно представлял социальные права и гарантии граждан с учетом стабильного и успешного развития СССР [12]. Была нейтрализована острая классовая детерминация правовых интенций, а межнациональные отношения, субъектами которых выступали нации и народности, были выделены в отдельную значимую сферу социальных отношений. В главе 3 «Социальное развитие и культура» указывалось, что государство способствует усилению социальной однородности общества, в том числе, через *«всестороннее развитие и сближение всех наций и народностей СССР»*. Термин «народность», присутствующий в конституциях СССР с 1936 года, вероятно, использовался для дифференциации народов и этнических групп, социально-экономическое и политическое развитие которых находилось на разном уровне.

В статье 34 главы 6 «Гражданство СССР. Равноправие граждан» указывалось, что граждане СССР равны перед законом независимо от *«расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии»*. Статья 36 углубляла эту правовую норму в утверждении, что *«граждане СССР различных рас и национальностей имеют равные права»*. При этом государство впервые заявило о своих обязательствах в отношении этих прав, а именно, о целевой *«политике всестороннего развития и сближения всех наций и народностей СССР, воспитания граждан в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, возможностью пользоваться родным языком и языками других народов СССР»*. Конституция 1977 года предусматривала наказание за *«ограничение прав по расовым и национальным признакам»*, а также и за *«проповедь расовой или национальной исключительности, вражды или пренебрежения»*. В правовой дискурс были включены такие политически нагруженные категории, как *советский патриотизм и социалистический интернационализм* (как «наследник» пролетарского интернационализма). Позитивная реабилитация и интенсивная трансляция этих категорий в теоретических и практических проекциях наблюдается в современном российском праве и политике, в дискурсе политических и управленческих элит на всех уровнях, в том числе с учетом современного положения Российской Федерации на геополитической арене.

Основной закон СССР 1977 года в продолжение Конституции 1936 года гарантирует гражданам СССР свободу совести — *«право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду»*, подтверждая светский характер СССР (ст. 52).

В разделе «Национально-государственное устройство СССР» главы 8 «СССР — союзное государство» в распространенном виде указаны свойства государства как союзного и многонационального (ст. 70). Здесь вводятся категории *социалистического федерализма, свободного самоопределения наций, добровольного объединения, равноправия республик*. Также акцентируется *государственное единство советского народа*, сплочение всех наций и народностей в совместном строительстве коммунизма. Нет сомнений, что консолидация разных народов, народностей может быть эффективной именно под эгидой масштабного идеологического проекта. В данном случае — строительства социализма и коммунизма, который, впрочем, исчерпал себя на определенном этапе политического пространства и политического времени.

Конституция 1977 года вновь подтвердила демократичный характер советского социалистического федерализма, важнейшим свойством которого было право *свободного выхода каждой союзной республики из СССР* (ст. 72). В то же время статья 74 подтверждала верховенство законов СССР над законами союзной республики, а статья 75 провозглашала единство территории СССР и распространение его суверенитета на всю его территорию.

Конституция Российской Федерации 1993 года с поправками 2020 года наследует и в то же время развивает политические идеи и правовые нормы рассмотренных конституций, в том числе, и в сфере этноидентификационных прав и свобод граждан [13]. В 1993 году на фоне «парада суверенитетов», обострения национальных вопросов в их территориальном, политическом, культурном звучании, а также на фоне продолжающихся межэтнических противоречий, конфликтов, сепаратистских настроений и действий государство вышло на новый уровень конституционного оформления данной сферы общественных отношений.

Преамбула Конституции 1993 года в отличие от Конституции СССР 1977 года более лаконична, так как имеет не описательное, а декларативное содержание. Преамбула отражает, прежде всего, субъектность многонационального народа России, который объединен общей судьбой, своей землей, исходит из *«общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов»*, возрождает суверенную государственность своей страны. В разделе 1, главе 1, статье 3 отмечается, что именно *«многонациональный народ России является носителем суверенитета и единственным источником власти»*. Статьи 4 и 5 декларируют содержание суверенитета и государственного устройства Российской Федерации, а также видовые различия ее равноправных субъектов (республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа) в отличие от равного вида субъектов СССР. Важным тезисом является утверждение государственной целостности Российской Федерации, которая базируется на единой системе государственной власти, на разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Федерации и, что важно, на равноправии и самоопределении народов.

В то же время ни одна статья не предусматривает свободного выхода республик или иных субъектов из состава России, хотя они отмечены в документе как государства [14, с. 46–57]. Глава 3 «Федеративное устройство» еще более прочно обеспечивает территориальную целостность страны, так как прописывает *«принятие в Российскую Федерацию и образование в ее составе нового субъекта»* в порядке, установленном федеральным конституционным законом, но не предусматривает правовую возможность выхода субъекта из состава Российской Федерации (ст. 65). Налицо коренной пересмотр принципов федерализма в направлении перехода от договорно-конституционной федерации к конституционной централизованной федерации с сильным федеральным центром, активным присутствием федеральной власти в субъектах и вертикализацией власти, которая осуществилась в 2012–2023 годах.

Конституция 1993 года подтверждает светский характер Российской Федерации (ст. 14, 15) в силу того, что никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной. Однако поправками 2020 года в статье 67.1 в текст Основного закона страны введена следующая формулировка:

«Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство». Предположим, что эта формулировка, вызвавшая многие разноречивые толкования в СМИ и в экспертных кругах, демонстрирует некий политико-управленческий маневр, имевший целью упрочить единство разных мировоззренческих сообществ россиян на общей культурной, духовной платформе.

Следующая поправка также имела, на наш взгляд, неоднозначный смысл, так как вводила в статью 68 утверждение о статусе русского языка — государственного на всей территории Российской Федерации, — как о языке государствообразующего народа, соответственно, русского народа. При том, что последний входит в многонациональный союз равноправных народов России. Здесь позволим себе показать, с одной стороны, четкое понимание стремления государства выделить русских как «самый государственный» и самый министералитетный этнос, который обеспечивает этнокультурное, этнополитическое, этноэлекторальное доминирование. С другой стороны, выскажем убеждение в том, что все народы России являются государствообразующими, так как каждый народ внес и вносит свой пропорциональный вклад в формирование российской государственности в ее настоящем виде, в упрочение суверенитета России.

В условиях отказа субъектам Российской Федерации в праве свободного выхода из состава государства Конституция 1993 года прописывает право республик устанавливать свои государственные языки и гарантирует всем народам страны право на сохранение родных языков. Поправка 2020 года подчеркивает, что *«культура в Российской Федерации — это уникальное наследие ее многонационального народа и что она поддерживается и охраняется государством».*

Статья 69 гарантирует права коренных малочисленных народов Российской Федерации при соотнесении с принципами и нормами международного права и международных договоров. Здесь же в качестве новации 2020 года провозглашается защита *«культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации и сохранение этнокультурного и языкового многообразия».* Статья 72 подчеркивает, что *«защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей»* находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Также в соответствии с трендами современного миропорядка в статью 69 введена позиция о *«поддержке соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности».* Обратим внимание, что Конституция 1993 года с поправками 2020 года ушла от термина «народность», но сохранила термин «национальное меньшинство» (ст. ст. 71 и 72) и в то же время ввела в правовое поле Основного закона страны такие

понятия, как «соотечественники за рубежом», «общероссийская культурная идентичность», соотносясь с современным этнополитическим и геополитическим массивом.

Несомненным достижением Конституции 1993 года в сравнении с конституциями СССР является существенное расширение главы 2 «Права и свободы человека и гражданина» в сфере этнической идентичности и этнической идентификации. Специальная статья 26 утверждает права каждого *«определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности»*. Также *«каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества»*. Статья 28 подтверждает свободу совести, *«вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними»*.

Выразим известный энтузиазм в связи с приведенными формулировками, так как они создают должные правовые основания для реализации этноидентификационных потребностей граждан, исключают правовое неравенство в связи с этнической и религиозной принадлежностью, профилируют дискриминационные акции, разжигающие национальную или религиозную ненависть, вражду. Конституция 1993 года уместно переводит процесс этнической и религиозной идентификации в сферу самоопределения граждан, каждый из которых самостоятельно устанавливает необходимость, достаточность, приемлемость такового для себя. Она нейтрализует бюрократическое и управленческое вторжение государства в систему этнических и конфессиональных воззрений и позиций и вместе с тем создает условия для их свободной трансляции и презентации, взаимной добровольной культурной ассимиляции граждан в пределах российской многосоставной этносферы и российской гражданской нации.

Некоторое резюме

Оформление этноидентификационных запросов индивидов и коллективов в системах политики и права остается актуальной задачей власти и управления. Этническая принадлежность в общем портфеле социальных принадлежностей сохраняет свои рациональные и иррациональные ресурсы и воплощается не только в историко-культурном обрядовом комплексе, трансляции традиционных духовных ценностей и исполнении негласных этико-этнических кодексов, но и в этногосударственном, этнополитическом, этнотерриториальном, этнокультурном самоопределении.

Внутри модернизационных тенденций современности, которые нивелируют социальные, профессиональные, культурные, поведенческие, поколенческие различия, этническая идентичность и этническая идентификация занимают рельефные позиции в ответах на экзистенциальные

вопросы «кто я?», «кто мы?», «в чем наше отличие от других?», «каковы наши преимущества и уязвимости перед другими?» и другие. Ответы коренятся во многих обстоятельствах и факторах этнополитической биографии каждого народа и концентрируются вокруг славных и трагичных событий, запечатленных в этнической памяти.

Российский конституционный тренд во многом продолжает, но вместе с тем развивает советскую конституционную традицию и по сути, и по формам. Образование СССР по национально-государственному принципу в современном политико-управленческом дискурсе часто трактуется не только как ошибочное, но и как рискованное, приведшее к распаду «советской империи» в декабре 1991 года [15]. В понимании ряда экспертов и политиков распад страны не был объективной закономерностью, а стал результатом провокативных действий правящих элит («Беловежское предательство») Б. Ельцина, Л. Кравчука, С. Шушкевича, М. Горбачева, вмешательства западных интересантов, бездействия силовых структур. Исходя из этого, в политическом истеблишменте бытуют проекты «собирания земель в обновленный СССР» [16].

На наш взгляд, обозначение причины распада СССР только как волевого и волюнтаристского решения конкретных личностей вряд ли может быть принято как категоричный экспертный вердикт. Не вводя проблему распада СССР в научный дискурс данного опуса, отметим в качестве очевидных объективных причин распада Советской федерации с 80-х годов XX века кризис социалистического способа производства, застой экономики и падение уровня производства, неэффективность (физическую и управленческую) союзной партийно-политической элиты, провалы (теоретические и практические) советской коммунистической интернационалистской идеологии; отсутствие достоверной доктрины дальнейшего развития. Существенные дефициты и эксцессы отмечались и в национальной политике КПСС, которая, ни по сути, ни по технологиям не отвечала изменяющимся потребностям этнических сообществ.

Российская Федерация, как правопреемница и продолжательница СССР, в ходе тяжелого политического транзита и противоречивого посттранзита создала новую конституционную основу организации федеративного процесса, оптимизации межэтнических отношений в общем контексте российской гражданской консолидации. Преодоление этнополитических, этносепаратистских вызовов состоялось на основе включения в конституционный тренд этноидентификационных аспектов, отвечающих социальным и политическим запросам граждан. Устойчивость россиян перед существенными социально-экономическими проблемами, сплочение перед современными внешними угрозами, высокие показатели гражданского единства стали результатом социального здравого смысла народов России и их традиционной лояльности государству, а также целевой реализации государственной национальной политики и управления в данной сфере.

Вместе с тем стабильность современного российского конституционного тренда в его этноидентификационных аспектах может быть нарушена рядом обстоятельств, среди которых считаем необходимым выделить следующие:

- сохранение нерешенных национальных вопросов и следствий этнических конфликтов в стагнационном состоянии без обновления техник и технологий их дальнейшего если не решения, то оптимизации;
- пренебрежение этноязыковыми потребностями народов и этнических групп на фоне сокращения учебно-образовательного пространства родных языков;
- увлечение управленческим этносоциальным консерватизмом и поощрение этносоциальной архаизации в противовес дальнейшей модернизации российского общества;
- попытки «возвратной советизации» и осуществления «постсоветского ресентимента» без учета современного уровня и дальнейших перспектив политического, социального, духовного самоопределения народов России;
- педалирование властно-бюрократических методов достижения высоких показателей гражданского единства, патриотизма, российской гражданской идентичности вопреки объективным этносоциальным и этнополитическим реалиям;
- использование неблагоприятных геополитических факторов в искусственной нейтрализации актуальных этноидентификационных запросов граждан и сообществ;
- спрямление и дальнейшее «дисциплинирование» федеративных отношений в сторону сужения этнокультурной, этнополитической и этнорегиональной емкости субъектов Российской Федерации;
- упрочение гражданской консолидации и патриотизма на базе идейно-идеологической догматики прошлого без релевантных и привлекательных проектов будущего российской гражданской нации как полиэтничного и поликультурного сообщества.

Список литературы

1. Ушаков Е.В. Методологические проблемы проекта политико-управленческих наук (policy sciences) // Инновации и инвестиции. 2020. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-problemy-proekta-politiko-upravlencheskih-nauk-policy-sciences> (дата обращения: 29.05.2023).
2. Карнаушенко Л.В. Естественное и позитивное право: объективные и субъективные аспекты функционирования // Общество и право. 2019. № 3(69). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/estestvennoe-i-pozitivnoe-pravo-obektivnye-i-subektivnye-aspekty-funktsionirovaniya> (дата обращения: 30.05.2023).
3. Шмитт К. Понятие политического. пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. Санкт-Петербург: Наука, 2016.

4. Юрковский А.В. Право и политика // Сибирский юридический вестник. 2007. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-politika> (дата обращения: 2.07.2023).
5. Истон Д. Подход к анализу политических систем // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2015. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhod-k-analizu-politicheskikh-sistem> (дата обращения: 29.05.2022).
6. Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. Принят второй сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 г. и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 г. Выверено по изданию: Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М., Политиздат. 1987. 364 с.
7. Декларация прав народов России. Опубл. 2 (15) ноября 1917 года. Источник: Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957.
8. Коржихина Т.П., Хорошая С.И. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац) // Центральный Государственный архив РСФСР. Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917–1967): Справочник. М., 1971.
9. 105 лет со дня создания Народного комиссариата по делам национальностей! ФАДН России. 2022. 8 ноября. [Электронный ресурс]. URL: <https://fadn.gov.ru/press-centr/news/105-let-so-dnya-sozdaniya-narodnogo-komissariata-po-delam-naczionalnostej!> (дата обращения: 16.06.2023).
10. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года (с последующими изменениями и дополнениями). Выверено по изданию: Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М., Политиздат, 1987. 364 с.
11. Максимова О.Д. Разработка и всенародное обсуждение проекта Конституции СССР 1936 года // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. Вып. 3. 2014.
12. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята Верховным Советом СССР 7 октября 1977 г. на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва. Выверено по изданию: Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М., Политиздат. 1987. 364 с.
13. Новый текст Конституции РФ 1993 года с поправками 2020. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 1.06.2023).
14. Лазарев С.Е. Соотношение норм Конституции СССР 1936 г. и Конституции РФ 1993 г. // Гражданин и право. 2015. № 7.
15. Таиров Р. Путин заявил о «мине замедленного действия» в Конституции СССР // ФОРБС. 2020. 5 июля. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/obshchestvo/404413-putin-zayavil-o-mine-zamedlennogo-deystviya-v-konstitucii-sssr> (дата обращения: 19.06.2023 / 25.06.2023).
16. Анохин П. КПРФ с 2024 года начнет собирать Советский Союз. Коммунисты помогут России преодолеть наследие Беловежья. Свободная пресса. Политика / 30 лет после СССР. 2021. 25 декабря. [Электронный ресурс]. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/320189/> (дата обращения: 3.07.2023).